

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

Г. Н. Шапошников

1917 год: ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА НА УРАЛЕ

На одной из региональных конференций пермский историк М. Г. Суслов высказал мысль, что первыми гражданские войны начинают писатели, которые раскалывают общество задолго до военного конфликта, вторыми подключаются идеологи, обозначающие идейную основу раскола, третьими — политические партии и последними — массы¹. Такая постановка проблемы причин и хода социального конфликта небесспорна, но она заостряет внимание исследователей на огромной ответственности, которую играет в переломные периоды истории интеллигенция. Гражданское противостояние может проходить в любых формах, но всегда его составляющей будет выступать информационный конфликт, в котором участвует интеллигенция.

Теория информационного конфликта — сравнительно новая тема российской социологии и политологии. Интерес к ней проявляют в основном специалисты в области средств массовой информации и военные. При этом большинство из них исходят из широкого толкования такого конфликта, включая в него различные аспекты политической, экономической, социокультурной действительности. Военные аналитики различают два вида информационного противостояния: противоборство и войну. Под первым понимается специфическая форма борьбы за превосходство в количестве, качестве, скорости передачи информации с целью разрушения информационной среды (пространства) противной стороны. Информационное противоборство существовало всегда и велось относительно мирными методами². В ходе войн и революций

информационное противоборство быстро перерастает в войну, которая является уже более сложным общественно-политическим явлением, связанным с применением насилия для достижения политических и идейных целей. Это целостная стратегия, направленная на гуманитарное превосходство, порабощение целых групп людей при помощи манипулирования знаниями (новостями). Особое значение в ней имеет так называемая немедленная передача новостей — информация, которая используется для принятия тактических решений, но устаревает, как только становится достоянием другой стороны³. Отсюда следует еще один тезис — ведущую роль в таком конфликте играют не только средства массовой информации (печать и др.), но прежде всего средства передачи данных (телекоммуникации). В конечном итоге побеждает та историческая альтернатива, которая обладает большим, по влиянию на общество, информационным полем. Если на экономические, политические и иные трудности накладывается информационная блокада, то возникает особая общественно-политическая ситуация, которую историк В. П. Булдаков, метко определил как «зависание» власти в социально-информационном пространстве⁴. Такое состояние весьма опасно для нее и требует от руководящей элиты чрезвычайных мер.

Информационные войны, как мы отметили, ведет интеллигенция. При этом мы особо выделяем значение выступлений работников связи. Обладая монополией на средства передачи данных, они могут дозировать «немедленную передачу новостей» в соответствии со своими политическими приоритетами. Более того, могут установить информационную блокаду целых регионов, отключив их от средств передачи данных. Это порождает массовые слухи, всеобщее беспокойство, делает власть зыбкой. Естественно, последнее возможно при условии, что большинство связистов определились со своей политической позицией и последовательно поддерживают одну из сторон общественного конфликта.

В начале XX века модернизация в России сопровождалась информационным противостоянием власти и общества. Его носителями выступали оппозиционные средства массовой информации, буржуазные круги, интеллигенция. В ходе первой русской революции 1905—1907 годов оно переросло в противоборство, так как к этому противостоянию подключились связисты (почтово-телеграфные служащие). Создав свой профсоюз и поднявшись на Всероссийскую почтово-телеграфную стачку в 1905 году, они осознали себя мощной общественно значимой силой. Потельработники не только прервали нормальное сообщение между различными регионами империи, но заметно повлияли на ход революционных выступлений самых различных классов и партий в это время. Роль связи еще более возросла в период второй русской революции, когда борьба за власть шла более жесткими и разрушительными методами, а в революционный процесс влились широкие народные (солдатские) массы. Все политические силы всемерно пытались использовать средства связи в своих интересах. Русская революция, отметил Д. Боффа, первой в

истории человечества сполна использовала современные средства связи. Это не означает, что она была совершена по телеграфу, но повсюду захват почты, телефона, железнодорожных и телеграфных станций представлял важнейший акт восстания⁵. К сожалению, жестокая борьба за власть и средства связи привела в 1917 году к первой в истории России информационной войне. Она вспыхнула осенью во время большевистского переворота, когда практически все связисты поддерживали силы, выступившие против «партии государственного переворота». Информационная война конца 1917 года сопровождалась забастовкой железнодорожников, саботажем педагогов и учащихся, инженеров, служащих. Антибольшевистская позиция интеллигенции, постоянное сужение информационного поля новой власти заметно замедлили утверждение большевиков у власти на местах. Эти моменты отчетливо проявились и на Урале.

Урал издавна являлся центром транзитного телеграфного обмена Российской империи. В начале XX века через его территорию проходили две общероссийские телеграфные магистрали: сибирская (уральская дистанция: Вятка — Пермь — Екатеринбург — Тюмень и далее на Омск) и среднеазиатская (Самара — Оренбург и далее на Ташкент). К этому времени уральские губернии располагали развитой системой местной телеграфной связи. В нее входили все уездные города, большие селения и заводские поселки. Телеграфные линии Урало-Поволжского региона протянулись более чем на 14 тыс. верст. Информационные потребности населения 4 уральских губерний обслуживало 229 почтово-телеграфных учреждений со штатом около 5 тыс. почтово-телеграфных служащих⁶. Наиболее развернутой сеть почтово-телеграфных учреждений и линий оставалась в Самарской и Пермской губерниях. Уральские связисты являлись составной частью региональной интеллигенции и сыграли важную роль в революционных событиях в крае. Именно они стали носителями информационного противостояния властям в ходе революции 1905—1907 годов (Всероссийская стачка потельработников на Урале по масштабам не уступала выступлениям железнодорожников). Именно они, а вслед за ними и учителя, инженерно-технический персонал, журналисты, служащие и другие развернули первую в истории Урала информационную войну против большевиков осенью 1917 года.

Связистам принадлежит особая заслуга в свержении царизма на Урале. С началом массовых беспорядков в столице в феврале 1917 года Петроградское телеграфное агентство перестало работать. Известия о событиях, поступавшие на Урал, оставались отрывочными и нерегулярными. Первое официальное известие об установлении новой власти и свержении самодержавия поступило в край 28 февраля. Это была телеграмма члена Государственной думы А. А. Бибикова, в которой говорилось, что Дума взяла власть в свои руки⁷. Но даже эта неопределенная по содержанию информация не была доведена до сведения населения. Губернские власти попытались создать информационную блокаду столиц, наложив строгий запрет на публикацию сооб-

щений из них. Пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский ввел даже наружное наблюдение за работой почтово-телеграфных контор, телефонных станций, редакциями газет и популярных изданий. То же было сделано в Оренбурге и городах Южного Урала. Когда весть о свержении Николая II скрыть уже было невозможно, по распоряжению пермского губернатора публикуется сообщение, что в Петрограде произошла смена монарха; здесь же содержался призыв относиться к этому с благоразумием и выжидать исход событий⁸. Столичные газеты задерживались или вообще не доходили до читателей, так как железнодорожный транспорт работал с перебоями, телеграфы молчали. В результате по Уралу поползли самые невероятные слухи. Тревога и беспокойство нарастали. Атмосферу тех дней хорошо передала одна из губернских газет: «Город полон слухов. Редакция осаждается, телефон звонит беспрестанно. Все вопросы: что случилось? Новое министерство или Временное правительство? Ответ один: с 1 марта не имеем никаких телеграмм. В Оренбурге, как на необитаемом острове. Масса слухов... Говорят, есть телеграммы, но их не дают адресатам. Кто-то с кем-то совещается»⁹.

Такое состояние было характерно для всех крупных городов края, где население привыкло получать все новости. Неуклюжие попытки царской власти скрыть новости из центра и означали ее «зависание» в информационном пространстве. Это и делало ее положение весьма зыбким. 1 марта Государственная дума установила контроль над Петербургским телеграфным агентством (ПТА), 2 марта, после отречения царя, информационная блокада была окончательно снята. В регион лавиной пошли новости со всей страны. Как отмечал очевидец тех событий, Февральская революция на Урал была «прислана в запечатанном конверте»¹⁰.

При первых правдивых известиях из Петрограда все на Урале пришло в движение. Стихийная энергия масс вылилась в организацию органов власти, возрождение партий, профсоюзов и других общественных организаций. Всю первую неделю марта связисты работали в чрезвычайном режиме по типу мобилизации 1914 года, т. е. сутками не выходили из аппаратных, отдыхали на рабочих местах, передавали новости под грифом срочных военных сводок. В результате уже к 5 марта во всех населенных пунктах края население знало о событиях в стране и организовало новую власть. Только в отдаленных селениях и там, где не было телеграфных линий, царской администрации удавалось дезориентировать население. Так, в Бисертском заводе полиция до 7 марта не допускала публикации сообщений из Петрограда и Екатеринбурга. То же было и в Кушве¹¹. И тем не менее снятие информационной блокады позволило быстро оповестить все население региона о революции, что способствовало мгновенному установлению новой власти. Везде царил невиданный ранее интерес к новостям, событиям, происходившим в других городах и регионах. Социальная значимость связистов заметно возросла. Известная Екатеринбургская газета отмечала: «Екатеринбург стал неузнаваем. Везде оживленно комментируются последние события, жадно ловят сенсационную

злобу дня, телеграммы и газеты — местные и столичные — берутся с бою... Жизнь бьет ключом»¹².

Революция породила не только бурный всплеск, но и некоторые особенности телеграфного обмена. Через телеграфы пошла лавина многословных поздравительных телеграмм от земств, общественных организаций, новых органов власти, в которых всему миру объявлялось о начале работы новоявленных органов, содержались приветствия Временному правительству¹³. Тексты депеш стали многословными. Если до 1914 года средняя продолжительность телеграммы в России не превышала 12 слов, то весной 1917 года она составляла не менее 20 слов (некоторые содержали сообщения до 100 и более слов). Телеграммы передавали самые разные новости: резолюции митингов и собраний, речи известных политиков, распоряжения новых властей, информацию о партийной и профсоюзной жизни, известия с фронта и др. В это время наблюдается усиленное использование прямых проводов телеграфов по принципу телефонии (т. е. работы телеграфов по типу вопрос — ответ между двумя абонентами. Такое использование телеграфной техники нерационально и даже в военное время применялось только для связи ставки и командования фронтов). С весны 1917 года к такому виду связи стали прибегать все новые органы власти и общественные организации. Это не только затрудняло работу связи, но и привело к ограничениям в приеме частных телеграмм.

Несмотря на некоторые издержки в работе средств связи, несомненно одно: Россия в одночасье превратилась в самую свободную страну мира, в марте на Урале возникло огромное информационное поле, которое было востребовано населением и способствовало укреплению новой власти. Связисты присягнули на верность Временному правительству, большинство из них искренне верили в идеалы свободы и либерализма, с восторгом принимали все революционные новации. В это время в крае было открыто более 200 периодических изданий, причем 76 % независимых¹⁴.

Потельработники оперативно передавали всю информацию по адресатам независимо от политических направлений. Вся пресса, партии, общественные организации, самостоятельные союзы граждан и т. п. имели возможности пользоваться любыми информационными ресурсами. В это время больше всего ценились сводки новостей ПТА, так называемые агентские телеграммы, которые приходили в губернские и крупные уездные города 2—3 раза в день. В ряде городов была даже налажена их регулярная публикация. Эта ситуация способствовала развитию идейной борьбы между различными партийными блоками, изданиями, но информационной войны не наблюдалось, так как средства связи работали для всего населения. Из этого следуют два вывода: во-первых, отсутствие каких-либо признаков информационного конфликта между связистами и властью служит косвенным подтверждением отсутствия двоевластия в регионе. Связисты создали уникальные возможности для сотрудничества всех властных структур. Во-вторых, наличие свободной печати, которая имела доступ к новостям, постоянной связи с центром, регуляр-

ное информирование населения объективно способствовали укреплению власти. По сути, это являлось предпосылкой для развития либеральной альтернативы революционного процесса.

Связисты активно поддерживали Временное правительство и в последующие месяцы. С лета 1917 года в стране проходили бурные процессы поляризации на фоне усиливающегося экономического хаоса. К этому времени потельработники создали свой профсоюз, который быстро превратился в политическую организацию. Чрезмерная политизация была характерна для большинства профсоюзов в то время. Это объяснялось остротой политического момента, а также борьбой, которую развернули социалистические партии за лидерство в профсоюзном движении¹⁵.

Руководство Потельсоюза находилось под влиянием правых эсеров и на протяжении лета — осени 1917 года проводило линию на поддержку всех действий власти. Представители ЦК Потельсоюза приняли участие в работе Московского, а позднее и Демократического совещаний, осудили выступление генерала Л. Корнилова. В сентябре связисты не поддержали забастовку железнодорожников, возникшую из-за массового недовольства политикой Временного правительства. Для нас важно подчеркнуть, что Потельсоюз оставался одним из наиболее организованных союзов России, располагал разветвленной сетью местных организаций, вызывал доверие рядовых членов. В нем существовала и строгая должностная субординация, которая всегда была характерна для полувоенной системы российской связи. В результате осенью 1917 года Потельсоюз сумел сохранить единство своих рядов и в условиях нарастающего политического хаоса превратился в партию. При этом союз вместе с Министерством почт и телеграфов стремился поддержать всю систему связи страны, обеспечить оперативные телеграфные сообщения между центром и местами, создать для власти необходимое информационное поле. Ситуация коренным образом изменилась во время Октябрьского переворота большевиков.

Октябрьский переворот оказался неожиданным для многих политических блоков и партий. Значительная часть профсоюзов заняла выжидательную позицию, а многие политики считали, что большевики не смогут решить сложные проблемы, которые стояли перед страной, и их быстро свергнут. Вместе с тем имелись силы, которые с первых часов большевистского переворота заняли по отношению к нему враждебную позицию. Руководство Потельсоюза уже 26 октября объявило приход к власти большевиков концом революции и вошло в состав Комитета спасения Родины и революции. Отказ связистов от сотрудничества с новой властью и создал взрывоопасный информационный конфликт. Каков был его характер? Пока под эгидой Викжеля шли переговоры о создании однородного социалистического правительства, ЦК Потельсоюза проводил политику враждебного нейтралитета по отношению к большевикам. На места шли директивы не вступать в контакты с большевиками, установить дежурства в учреждениях связи, доносить в столицу о ситуации в

стране, особенно о передвижении войск. При попытках большевиков захватить почту и телеграфы предлагалось обращаться к общественному мнению и силам демократии¹⁶.

Был налажен выпуск бюллетеня ЦК Потельсоюза, в котором содержалась вся последняя информация и указания. Бюллетень регулярно передавался по телеграфной связи. Служащие потельучреждений Петрограда не желали работать с большевиками, в них создавались стачкомы. В провинции перестало работать большинство станций¹⁷. Эти действия оказались весьма эффективными. Как впоследствии отмечал Я. М. Свердлов, в Октябрьские дни связь между центром и провинциями была налажена плохо. Эту характеристику дополнил видный организатор советской связи И. А. Халепский. В своих воспоминаниях он прямо писал, что в провинции служащие были на 90 % против большевиков и саботировали все их меры¹⁸. Этот уровень конфликта мы определяем как информационное противоборство. К сожалению, оно быстро переросло в информационную войну. Как только провалились переговоры о создании однородного правительства, в Министерство почт и телеграфов пришло новое руководство во главе с комиссаром Совета народных комиссаров (СНК) Н. П. Авиловым, а на местах начался захват учреждений связи, потельработники организовали стачки и массовый саботаж по всей стране.

Информационную войну начали служащие аппарата Министерства почт и телеграфов. Уже 27 октября они провели общее собрание, где заклеили большевиков как власть насильников и призвали всех работников ведомства объявить им бойкот. Еще более решительно выступили московские связисты, которые участвовали в вооруженной борьбе в Москве против новой власти. Их борьбой руководил «узелок» (руководство московского узла связи и московского месткома Потельсоюза). Москвичи срывали связь между столицами по прямым проводам, рассылали в провинцию директивы с требованиями не подчиняться большевистским комиссарам, призвали своих коллег к вооруженной борьбе с большевизмом. Забастовка в министерстве продолжалась вплоть до 14 ноября, когда Н. П. Авилов уволил всех, кто не хотел работать¹⁹.

Можно ли определить сопротивление связистов как информационную войну? В начале статьи мы дали ее определение как стратегии, направленной на гуманитарное подавление одной группы людей другой. Несомненно, руководство Потельсоюза смогло выработать такую стратегию. Оно провело два съезда (в ноябре 1917 года в Н. Новгороде и в феврале 1918 года в Тамбове), на которых были определены программа и методы борьбы, избран Цестаком (Центральный стачечный комитет), определено время начала всеобщей забастовки — момент срыва выборов или работы Учредительного собрания. На места постоянно шли конкретные инструкции, создавались местные стачечные комитеты. Следствием этого стали многочисленные разрозненные забастовки связистов по всей стране. Они продолжались вплоть до января, а массовый саботаж в учреждениях связи — до февраля — марта 1918 года. Только аресты руководства Потельсоюза и разгон Тамбовского съезда в феврале

1918 года, судилище над его председателем П. М. Кингом, а позднее и его расстрел, массовые репрессии на местах снизили волну сопротивления.

В эту борьбу включились и уральские связисты. Осенью 1917 года Уральский регион считался одним из самых «большевизированных», но и сил, противостоящих левому экстремизму, было здесь достаточно. Против большевиков выступали самые разные социальные группы и слои населения: почти вся интеллигенция, казачество, духовенство, торгово-промышленные круги, значительная часть крестьянства и др.²⁰ В результате взятие власти большевиками в регионе затянулось. В 34 губернских и уездных городах четырех уральских губерний новая власть установилась в октябре 1917 года, в Кунгуре — в ноябре, в 6 городах — в декабре, в январе 1918 года — в 13, в феврале — в 5, в марте — в 3 (Сарапуле, Верхнеуральске, Златоусте). В уральской деревне утверждение новой власти затянулось на всю весну 1918 года²¹. Учитывая, что во многих случаях большевики широко применяли военную силу, замечание ряда историков об этих днях как о шествии насилия, возведенного большевиками в ранг государственной политики, правомерно²². Связисты Урало-Поволжского региона сыграли особую роль в сопротивлении большевизму. В ходе большевистского переворота они смогли организовать забастовки более чем в 10 городах региона. Информационная блокада целых уездов в октябре — ноябре 1917 года продолжалась от нескольких дней до недели. Вместе с железнодорожниками связисты оказались в центре массового движения протеста краевой интеллигенции. Их действия были поддержаны забастовкой педагогов, учащихся, журналистов, служащих крупных городов. К ним примкнули администрация и технический персонал горных округов, офицерство. Результатом блокады стало такое «зависание» новой власти в информационно-социальном пространстве, что большевики на время отступили. В городах создавались коалиционные ревкомы и иные соглашательские органы власти. В них наряду с представителями разных социалистических партий и профсоюзов входили и потельработники. В учреждениях связи в это время дежурили представители оппозиционных сил. Не случайно в большевистской литературе связисты получили кличку «кадетской мрази, недоношенных интеллигентов»²³.

Информационное противоборство на Урале началось с первых дней Октябрьского переворота. Известия о событиях в Петрограде начали поступать по телеграфам в губернские города края в ночь с 25 на 26 октября. В Екатеринбурге горсовету эти новости передали телеграфисты железной дороги, так как служащие городской почтово-телеграфной конторы (ПТК) скрыли известие об аресте Временного правительства. Днем 26 октября новости из Петрограда дошли до Челябинска, Уфы, городов Зауралья и Северного Урала. Часто телеграммы обрывались на полуслове. Телеграфная связь постоянно прерывалась. Так, Самара 26—27 октября постоянно отключала провода на оренбургском и троицком направлениях. В эти дни плохо работала связь линии Казань — Пермь — Екатеринбург — Тюмень. Омские связисты 26 октяб-

ря вообще отключили прямой провод Омск — Вятка, лишив оперативной связи Западную Сибирь и Приуралье. На запрос пермских связистов о причинах отключения провода омичи ответили, что работать Вятке не дадут, так как там много большевиков. И только когда Вятка завершила Сибирь, что на большевиков работать не хочет, связь по прямому проводу была открыта. Как отмечали участники тех событий, из отрывочных сообщений, приходящих в города по телеграфам, понять что-либо было сложно²⁴. Неясность политической ситуации в центре порождала массу слухов и заставляла местных большевиков действовать. 26 октября после долгих дебатов Уралсовет взял власть в Екатеринбурге в свои руки и разослал срочные телеграммы в другие города с призывом всем Советам сделать то же самое. Это была последняя телеграмма из центра Среднего Урала, так как екатеринбургские телеграфисты отказались передавать распоряжения Уралсовета.

В эти дни на Урале сложилось политическое противостояние. В ряде мест власть взяли пробольшевистские Советы, в других — городские думы, земства, волостные правления, в третьих она оставалась в руках администрации Временного правительства, в четвертых переходила к комитетам общественной безопасности или к заводууправлениям. В этих условиях новости играли первостепенную роль в самом раскладе политических сил. Отметим, что затишье в работе телеграфов в эти дни было относительным. Связисты оставались на рабочих местах и вели интенсивный служебный обмен информацией. Частично новости и бюллетени ЦК Потельсоюза передавались в городские думы, земства, прессу. Какую информацию давали связисты? Уже 26 октября в губернские города края пришли известия о массовых арестах потельработников в Царицыне, Саратове, Ростове, Ревеле за отказ сотрудничать с местными временными революционными комитетами (ВРК). В Царицыне был убит телеграфист, и работники городской ПТК оповестили страну, что начинают забастовку. Из Ташкента пришло сообщение об аресте 40 телеграфистов и срыве выборов в Учредительное собрание. Связь с Туркестаном полностью прекратилась. В Томске Комитет защиты Родины и революции захватил власть, установил свой контроль в почтово-телеграфном округе, изолировал от телеграфных магистралей Иркутск, Ачинск, Красноярск, где укрепились большевики. Постоянно шли сообщения о боях в Москве и призывы поддерживать антибольшевистские силы в столицах.

30 ноября Викжель объявил Всероссийскую забастовку, и ЦК Потельсоюза призвал своих сторонников отключать от проводов большевистские центры. В этот же день на Урал пришло известие от главковерха Вырубова о взятии войсками Керенского Петрограда и Кронштадта²⁵. Среди потока новостей, который доносили связисты до редакций местных газет, органов власти, мы не обнаружили ни одной депеши Совета народных комиссаров (СНК) или Петроградского ВРК. Более того, внутренний телеграфный обмен широко использовался связистами для постоянных контактов между собой. В это время по всем уральским ПТК циркулярно шли депеши об антибольшевист-

ских собраниях коллективов связистов уральских городов, передавались тексты их резолюций с отрицательным отношением к «партии государственного переворота».

Односторонняя подача новостей — признак информационной войны, которая разгоралась на Урале. Результатом ее стало сплочение антибольшевистских сил, так как новости вселяли уверенность, что против большевиков поднимается вся страна. Часто отрывочные известия из центра становились поводом для политических схваток. Так, 30 ноября 1917 года в Челябинск пришло сообщение: «Кронштадт сдался войскам Керенского без кровопролития. Прошу оповестить население». Телеграмма была анонимной, но тут же была разослана телеграфистами во все городские думы и волостные управы уезда. В печать текст не попал по распоряжению комиссара исполкома Челябинского Совета. Челябинская городская Дума приняла решение игнорировать мнение комиссара, так как оно нарушает свободу прессы и опубликовать текст, не смотря на противоречивые известия из центра. Это привело к закрытию ряда газет в городе, что еще больше способствовало слухам и недоверию к новой власти²⁶.

Драматическая ситуация сложилась в эти дни в Екатеринбурге. По воспоминаниям редактора газеты «Уральский рабочий» В. Воробьева, весть о петроградских событиях мгновенно облетела город. 27 октября пришло только два сообщения: «ВРК стоит у власти» и «Зимний взят, министры арестованы, никто не ранен». Какой простор воображению давали эти известия! Неопределенность положения пошатнула уверенность в победе. 27—29 октября город оставался во власти слухов: говорили, что большевики выбиты повсюду и заперлись в Петропавловке, а на Урал уже идут войска, верные Керенскому. Источником этих слухов был телеграф, служащие которого отказывались передавать телеграммы окружного и городского Советов. Окружной Совет принял решение закрепиться и стоять в городе до конца, телеграф взять под контроль. Вечером 28 октября в городскую телеграфную контору был направлен отряд во главе с комиссаром И. Тунтулом. Телеграф был закрыт, город — окончательно отрезан от внешнего мира. Телеграфисты объявили забастовку. На другой день к ним присоединились работники почты и телефонной станции²⁷.

Эту картину дополняют рассказы очевидцев и прежде всего самого И. Тунтула. Как он вспоминал, члены Потельсоюза отказались передавать сообщения окружного Совета и воззвания Екатеринбургского ВРК. Они заявили, что не Совет Потельсоюзу, а Потельсоюз Совету будет диктовать условия. ВРК принял решение о закрытии телеграфа. Служащие торопились передать какие-то телеграммы, прятали по карманам обрывки депеш и части аппаратов. Тогда Тунтул арестовал всех присутствующих. Здание было опечатано, выставлен караул. После обыска телеграфистов отпустили. На другой день забастовали уже все связисты²⁸.

Последствия информационной блокады города подробно описал В. Воробьев: 30 октября тревожная обстановка в городе усилилась. Бросили рабо-

ту и присоединились к забастовке связистов учителя и учащиеся всех учебных заведений, железнодорожники, государственные служащие. Слухи ползли лавиной. Обыватели передавали друг другу, что советская власть держится только в Екатеринбурге. Ревком начал готовиться к обороне, по городу собиралось оружие и боеприпасы. Стало известно, что забастовка потельработников охватила и другие города. Многие члены ревкома заколебались²⁹. К этому надо добавить, что в городе шли грабежи и грандиозный пьяный погром. Эсеры вышли из окружного Совета. Большевики предприняли усилия для налаживания какой-либо связи. Как вспоминала Р. Юровская, руководитель коммунистической молодежи в те дни, на телеграф стали направлять людей, более-менее знакомых с аппаратурой связи. На телефонную станцию мобилизовали комсомольцев. К утру они начали восстанавливать телефонную связь. Но пришла толпа учащихся, которая стала кидать в окна камни, называть комсомольцев штрейкбрехерами³⁰.

Забастовка связистов спровоцировала раскол населения по отношению к новой власти. Офицеры 195-го Оровайского полка, стоящего в городе, осудили захват телеграфа и заявили о неподчинении Совету. Их поддержали студенты горного института и журналисты, которые на своих общегородских собраниях выступили против закрытия газет, выразили признательность потельработникам за их стойкую защиту свободы. В ответ на это горсовет развернул травлю связистов, призвал революционных солдат к расправе с ними. По городу ползли упорные слухи о падении ВРК в Петрограде и подходе верных войск Керенского. 30 октября потельработники провели общегородское собрание, где приняли резолюцию, что до созыва Учредительного собрания признают лишь правительство, которое выражает интересы всех слоев населения, а не одной партии меньшинства. Они приступят к работе только при условии невмешательства Советов в дела Потельсоюза и учреждений связи города. В противном случае они снимают с себя всю ответственность за сохранность средств связи. Текст резолюции был разослан в центр и по всем городам Урала (для этого был использован аппарат Верх-Исетского почтово-телеграфного отделения)³¹.

Информацию о событиях в Екатеринбурге ЦК Потель регулярно рассылал по всей стране. В край стали приходить многочисленные телеграммы от связистов других регионов в поддержку бастующих. В Екатеринбург их передавали нелегально. Чтобы предотвратить нарастающие беспорядки и прямое вооруженное столкновение враждебных политических сил, руководство окружного Совета — Н. Н. Крестинский и Л. С. Сосновский — пошло на уступки. 31 октября в городе был образован коалиционный комитет из представителей окружного Совета, эсеров, Бунда, меньшевиков, профсоюзов железнодорожников, учителей, потельработников. В тот же день забастовка связистов прекратилась, город был выведен из информационного вакуума. Окончательное утверждение большевиков у власти произошло только 22 ноября, когда под давлением окружного Совета, солдатских масс и ряда заводских

коллективов коалиционный комитет заявил о своем самороспуске³². Таким же результатом — созданием соглашательских органов власти — закончились забастовки связистов в Самаре, Челябинске, Златоусте, Реже.

В Самару известие о взятии власти Петроградским ВРК пришло 25 октября. Эта новость породила бурную дискуссию о текущем моменте на заседании исполкома совета. На нем председательствовал В. В. Куйбышев, который предложил немедленно брать власть в свои руки и направлять на телеграфы комиссаров. Это предложение встретило противодействие депутатов правосоциалистических партий. Власть в городе Совет смог установить только 27 октября. Тогда же был образован ревком и в учреждения связи направлены его комиссары. Самара являлась центром Самарского почтово-телеграфного округа, поэтому влияние связистов на ход политической борьбы оставалось значительным. Окружной местком Потельсоюза занял выжидательную позицию, а городские потельработники выступили против ревкома и объявили забастовку. Она началась уже 27 октября в ответ на попытку захвата городской ПТК красногвардейскими отрядами. На общем собрании города связисты потребовали вывода вооруженных караулов из всех учреждений связи, так как они мешали нормальной работе. Когда этого не последовало, они начали самую продолжительную в Урало-Поволжском регионе забастовку. К этому их подтолкнули известия о массовых арестах связистов в Царицыне и Саратове, где также начались забастовки в потельучреждениях. Городской местком Потельсоюза отказался иметь дело и с большевиками, и с «продажным окружкомом», отключил от Самары все телеграфные линии Волги, Зауралья и Южного Урала. Забастовка самарцев отличалась завидной стойкостью. Несмотря на угрозы, они проводили собрания, где клеймили большевиков, принимали резолюции в поддержку эсеров и Учредительного собрания. ЦК Потель извещал о действиях самарцев всю страну. Связистов поддерживали местная интеллигенция, буржуазные круги, пресса, служащие. Забастовка окончилась 4 ноября, когда в городе был создан соглашательский орган власти из представителей Советов, правосоциалистических партий, связистов, а на городской телеграф были назначены три комиссара: от ВРК, комитета народной власти и Потельсоюза³³. Забастовка самарцев оказала влияние на весь Урал. В поддержку коллег забастовали троицкие, златоустовские и челябинские связисты.

В Челябинске пробольшевистский Совет установил контроль над городом 26 октября, как только пришла телеграмма от окружного Совета Екатеринбург с призывом брать власть по примеру Петроградского ВРК. Были разоружены офицеры 171-го и 109-го пехотных полков, ликвидирована полиция. Красная гвардия захватила банк, в учреждения связи были назначены комиссары. В ответ связисты организовали саботаж. Как было отмечено выше, они сознательно передавали телеграммы Керенского и отказывались сотрудничать с новой властью. С 26 октября городская контора работала только на прием депеш. Комиссар исполкома Челябинского горсовета С. Я. Елькин

пригрозил «страшными карами» тем, кто срывал нормальную связь (обещал раздавить кадетскую мразь, которая путается под ногами)³⁴. На следующий день потельработники объявили забастовку. Она продолжалась с 30 октября по 2 ноября. Ее поддерживали банковские служащие, железнодорожники, рабочие типографии, которые шли за меньшевиками. В городе был образован Комитет защиты Родины и революции, восстановлена работа городской Думы. 2 ноября исполком Совета передал власть городской Думе, и забастовка прекратилась. Окончательно власть в Челябинске большевики взяли только 20 ноября при помощи вооруженных отрядов из других мест. Связисты и служащие банка вновь начали саботаж, который был сломлен репрессиями только в середине декабря³⁵.

Забастовки в Екатеринбурге, Самаре, Челябинске — крупных центрах телеграфного транзита западных, центральных и восточных губерний России — оказали влияние на ход политической борьбы в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке. Временный перерыв в работе телеграфных магистралей Самара — Оренбург — Ташкент, Самара — Челябинск — Омск, Екатеринбург — Тюмень — Омск привел к перебоям оперативной связи с этими регионами, погрузил в информационную блокаду уезды Горнозаводского, Южного Урала, Зауралья и Поволжья. Революционный Петроград осуществлял связь с этими районами только по радио, что в то время было неэффективно. Это явилось одной из причин медленного утверждения большевизма в Сибири и на Дальнем Востоке.

Несколько иной была роль связистов в городах, где соотношение сил оставалось не в пользу большевиков. Здесь борьбу с большевизмом вели разные политические силы. Связисты открыто поддерживали тех, кто выступил под лозунгами Учредительного собрания. Информационные потребности именно этих блоков и власти обслуживались в первую очередь, а пробольшевистским Советам услуги связи не предоставлялись. Эти действия связистов определяются нами как информационное противоборство, которое существенно повлияло на борьбу за власть в Перми, Вятке, Уфе, Тюмени, хотя и не сопровождалось таким накалом страстей, как в городах, где были забастовки. Так, в Вятке власть оставалась долгое время в руках администрации Временного правительства, которая создала специальный орган самоуправления — Верховный совет по управлению губернией. Эту властную структуру нельзя назвать коалиционной, так как большевики в него не входили³⁶. Несмотря на это, вятские связисты сотрудничали с ним. В ноябре в Вятке почти ежедневно проходили собрания связистов, где обсуждался текущий момент. В резолюциях, которые циркулярно расходились по проводам, Октябрьские события характеризовались как преступление, содержались требования запретить учение марксизма и партию Ленина как вредные и разрушительные для России³⁷. Не случайно репрессии против вятских потельработников были самыми жестокими в Пермском почтово-телеграфном округе.

В Перми правосоциалистические партии смогли создать Совет, где большевики не имели большинства. Администрация Пермского почтово-телеграфного отделения (ПТО) и городские связисты сотрудничали с ним. Мотовилихинскому Совету, где большевики пользовались авторитетом, информационные услуги почти не оказывались. Как и в Екатеринбурге, Октябрьский переворот в Перми сопровождался пьяными погромами, общими беспорядками и солдатским разгулом³⁸. В ходе их городские телефонные сети постоянно выходили из строя (воздушные линии обрывались, а кабель оказался в нескольких местах прострелен). Несмотря на опасность, техники ГТС смогли быстро устранить повреждения, а телефонистки оперативно соединяли городскую Думу с пожарной частью и верными ей силовыми структурами. Когда в городе стало относительно спокойно, Дума выразила особую благодарность связистам за восстановление связи³⁹. Борьба за власть в городе продолжалась вплоть до 23 ноября 1917 года, когда в городском Совете большевики получили окончательный перевес и начали ломать все старые госструктуры. Позицию связистов в этой борьбе выразила резолюция их городского собрания от 31 октября, когда заработал телеграф Екатеринбурга. Пермь поздравляла своих коллег с началом работы и победой (т. е. созданием коалиционного ревкома). Заверили весь Урал, что будут поддерживать те силы, которые доведут страну до Учредительного собрания, и протестовали против захвата власти одним политическим течением⁴⁰. Когда большевики утвердились у власти в городе, среди первых своих преобразований они провели чистку учреждений связи и администрации Пермского ПТО.

В целом вышеизложенный материал убедительно показывает, что большевики проиграли информационную войну в конце 1917 — начале 1918 года. Забастовкам и массовому саботажу интеллигенции они смогли противопоставить только одно средство — прямое натравливание на своих противников солдатских и рабочих масс, а также насилие. Особенно острые формы репрессий применялись в городах, где проходили забастовки. Так, в Царицыне и Саратове в октябре 1917 года за участие в забастовочном движении было арестовано 140 потельработников. В Казани ревком не только арестовал почти всех работников городского телеграфа, но принял решение немедленно отправить их на фронт. На Урале массовые аресты связистов прошли в Екатеринбурге, Самаре, Троицке, Тагиле, Камышлове, Верхнеуральске, Реже, других городах. Волна репрессий прокатилась и по небольшим заводским селениям. В полном составе был арестован штат Новосуксунского почтово-телеграфного отделения Уфимской губернии, отправлен в тюрьму Белебея⁴¹. Отметим, что в октябре — ноябре большевики на Урале еще ощущали свою власть непрочно. Они отчаянно нуждались в оперативной связи с центром, поэтому специалистам не угрожали расстрелами (кроме единичных случаев), их пытались склонить к сотрудничеству. При условии лояльности к новой власти их ставили на пайковое довольствие, не выселяли из казенных квартир. Даже начальники Екатеринбургской ПТК инженеры П. К. Кольфгауз и

Лаговский, известные всему Уралу своей антипатией к большевизму, оставались на своих должностях до начала Гражданской войны. Более того, они проживали с семьями в служебных квартирах без «модного» в ту пору уплотнения⁴².

В это время информационную войну большевики вели не столько со связистами, сколько с прессой и оппозиционными партиями. Уже в октябре 1917 года по Уралу прошла первая волна закрытия газет. В Екатеринбурге 29 октября были конфискованы все тиражи столичных газет. В декабре была закрыта газета «Зауральский край», к началу января 1918 года прекратили существование все остальные буржуазные издания и те, кто не признавал советскую власть. Как справедливо отметил И. Нарский, закрытие средств массовой информации стало дополнительным фактором дезорганизации населения, ощущения ненадежности жизни⁴³. Впрочем, большевиков это не смущало, они всеми силами стремились ограничить любые проявления оппозиции. Та же судьба постигла и оппозиционные партии. 29 октября было опубликовано правительственное сообщение о запрете партии кадетов. В крае начались гонения на меньшевиков и эсеров, а затем и на интеллигенцию. Многие советские работники открыто демонстрировали пренебрежение к служащим, инженерам, врачам, педагогам, поскольку те участвовали в саботаже⁴⁴. После разгона Учредительного собрания масштабы репрессий расширились. Результаты выборов в этот представительный орган вызвали болезненную реакцию большевиков. Последовал его разгон и расстрел демонстрации в его защиту в Петрограде.

Это спровоцировало новую волну насилия на местах. На Урале, где еще шла борьба за власть, из состава Советов изгонялись последние представители земств, городских дум, правосоциалистических партий. В Пермской губернии началась физическая расправа над лидерами кадетов, многие из которых были расстреляны в Екатеринбурге, Осе, Нижнем Тагиле. Политическая ситуация продолжала оставаться сложной. В стране стали создаваться комитеты в защиту Учредительного собрания. Акции протеста прошли в Перми, Уфе, Лысьве, Шадринске, Кургане, Салде. Участниками их была интеллигенция. Везде эти акции поддерживались связистами. В соответствии с решениями Новгородского съезда Потельсоюза о начале Всероссийской забастовки, если большевики не допустят созыва Учредительного собрания, они не только поддержали антибольшевистские силы, но стали вновь прекращать работу. Это привело к широким репрессиям. Драматические события прошли в Вятке. В январе в этом городе большевики еще не установили своего полного господства. Губернский съезд Советов еще только выдавал мандаты делегатам на установление большевистской власти в губернии⁴⁵. При первых известиях о разгоне Учредительного собрания служащие почтово-телеграфной конторы объявили забастовку. Вся смена телеграфистов городской почтово-телеграфной конторы была арестована и приговорена к расстрелу. Ночью по городу шли аресты и обыски связистов. Об этом успел передать по телеграфу

член вятского месткома Потельсоюза Клячкин, после чего телеграф замолчал⁴⁶. На многочисленные запросы из Перми и Екатеринбурга о судьбе арестованных Вятский ревком отвечал, что приговор остается в силе. Более того, вятские большевики призвали губернские Советы Урала последовать их примеру и арестовать всех связистов как контрреволюционеров⁴⁷. В защиту своих товарищей выступил весь почтово-телеграфный округ. Председатель Пермского окружкома Потельсоюза телеграфировал в Наркомат почт и телеграфов, что волна возмущения в почтово-телеграфных конторах может привести к катастрофическим последствиям. Телеграммы с требованием немедленного освобождения связистов пошли из Сибири, Минска и других городов. Но отношение к арестованным стало еще хуже: их содержали в холодных камерах без одежды, истязаниям подвергались даже женщины. Петроград молчал. Руководство Наркомата почт и телеграфов было занято арестами делегатов Новгородского съезда и не интересовалось такими инцидентами. 9 января 1918 года вятские связисты прекратили забастовку. Как отмечалось в циркулярной телеграмме по всему Уралу, они делали это под угрозой оружия, опасаясь расстрелов и насилия над женщинами⁴⁸.

К сожалению, вятский инцидент не был единичным. Большевики разогнали новый съезд Потельсоюза, который собрался в феврале 1918 года в Тамбове, арестовали его председателя П. М. Кинга и других членов ЦК. Во всех почтово-телеграфных округах шли чистки. Зимой 1918 года управление учреждениями связи на местах окончательно сосредоточилось в руках комиссаров ВРК. Массовые увольнения, аресты и заключение в концлагеря породили волну жалоб в Петроград. «Наши товарищи увольняются без объяснения причин, — писали уральцы в Народный комиссариат почт и телеграфов. — Мы постоянно ведем переговоры с ревкомками, которые обещают разобраться, но ничего не делают»⁴⁹. В Народном комиссариате почт и телеграфов была даже создана специальная комиссия для разбора этих жалоб, но в большинстве случаев высший орган управления отраслью Советской Республики оставлял ходатайства без внимания. Наркомат приступил к реализации политики красного террора.

Репрессии окончательно подавили сопротивление связистов. К марту 1918 года саботаж в учреждениях связи Урала прекратился, новая власть смогла наладить работу ведущих магистралей. Информационная война против большевиков затихла. Одним из ее последствий стал глубокий политический раскол в среде потельработников и всей уральской интеллигенции. Часть связистов уже весной 1918 года приняла коммунистические идеалы и сотрудничала с Советами. Многие из них выжидали и выступили против большевиков в годы Гражданской войны.

¹ См.: Урал в событиях 1917—1921 гг.: Материалы регион. науч. сем. 24—25 аир. 1999 г. Челябинск, 1999. С. 217.

² См.: Слипченко В. И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002. С. 153, 156.

³ См.: Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность. СПб., 1999. С. 51, 53.

⁴ См.: Буддаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 336.

⁵ См.: Боффа Д. История Советского Союза. М., 1994. Т. 1. С. 55. Отметим, что впервые эту мысль высказал Р. Петтебридж (см.: *Pethybridge R. The significance of communications in 1917* // *Soviet studies*. Vol. 19, № 1. P. 114).

⁶ Подсчитано по: Почтово-телеграфная статистика по отдельным учреждениям Российской империи за 1906 г. СПб., 1909. С. 813, 1277, 8171—8174.

⁷ См.: История Урала. М., 1990. Т. 2. С. 368.

⁸ См.: Очерки истории Екатеринбурга, 1723—1973. Свердловск, 1973. С. 102; Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 435, оп. 2, д. 129, л. 5; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО), ф. 596, оп. 1, д. 308, л. 8 об.

⁹ Цит. по: Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни и население Урала в 1917—1921 гг. М., 2001. С. 179.

¹⁰ Подшивалов И. Гражданская война на Урале, 1917—1918 гг.: (Опыт военно-исторического исследования). М., 1925. С. 51; Ряд современных историков считают такой подход весьма упрощенным освещением событий. Так, авторы фундаментального труда по истории Самарского Поволжья особо отметили, что февральско-мартовские события в Самаре не были «телеграфно-телефонной» революцией, а являлись закономерным политическим процессом (см.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней, вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000. С. 182).

¹¹ См.: История Урала. Т. 2. С. 369.

¹² Заурал. край. 1917. 24 марта.

¹³ См., например, циркуляры Екатеринбургской и Челябинской городских дум и Советов, телеграммы Верхотурского земства от 2—10 марта 1917 года и др. (Государственный архив Российской Федерации — ГАРФ, ф. 435, оп. 2, д. 129, л. 8; ОГАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 166, л. 6).

¹⁴ См.: Нарский И. Жизнь в катастрофе. С. 67.

¹⁵ См.: Носович В. И. Профессиональные союзы России, 1905—1930. СПб., 2001. С. 155.

¹⁶ ГАСО, ф. 555, оп. 1, д. 8, л. 128; д. 7, л. 103.

¹⁷ ГАРФ, ф. 5489, оп. 1, д. 17, л. 53.

¹⁸ См.: Свердлов Я. М. Избранные речи. М., 1944. С. 39; Халепский И. А. Мои краткие заметки по истории Союза связи в 1918 г. // ГАРФ, ф. 6871, оп. 1, д. 657, л. 2.

¹⁹ См.: Материалы к истории саботажа в министерстве почт и телеграфов // Почтово-телегр. жури. 1918. Июль—дек. Ч. неофиц. С. 48, 52; Лебедев В. Н. Участие работников связи в революционном движении России. М., 1974. С. 123.

²⁰ Подробнее см.: Костокрызов П. И. Октябрьский переворот и начальный этап антибольшевистского сопротивления на Урале // Урал в событиях 1917—1921 гг. Челябинск, 1999. С. 32—33.

²¹ См.: Попов Н. Н., Бугров Д. В. Время упущенных возможностей: Урал в 1917 г. Екатеринбург, 1997. С. 107.

²² Подробнее см.: Бакулин В. И. Насилие как компонент государственной политики: большевизм в Прикамье // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль: Сб. ст. М., 1997. С. 171—179; Обухов Л. Советы на Урале в 1917 г. Пермь, 1992. С. 80; и др.

²³ См.: Баранов О. Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1927. С. 53.

²⁴ См.: Воробьев В. Тревожные дни // Урал. рабочий. 1920. 7 нояб.; ГАРФ, ф. 5489, оп. 1, д. 17, л. 1.

²⁵ Новости, почерпнутые из «агентских» телеграмм и бюллетеней ЦК Потельсоюза, пришедших 26—30 октября — 5 ноября в Екатеринбургскую, Пермскую, Челябинскую городские

думы, взяты из архивов: ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 635, л. 143—164; ОГАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 166, л. 75; Архив Центрального музея связи им. А. С. Попова (АЦМС им. А. С. Попова), ф. Телегр. оп. 1, д. 898, л. 1, 2). Отметим один интересный для современного читателя факт: воззвание областного комитета Советов в Екатеринбурге, призывающее все местные Советы незамедлительно брать власть в свои руки, было впервые опубликовано в прессе только 31 октября (см.: Урал. рабочий. 1917. 31 окт.).

²⁶ ОГАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 166, л. 82 об., 83.

²⁷ См.: Урал. рабочий. 1996. 6 нояб.

²⁸ См.: Там же. 1920. 31 окт.

²⁹ См.: Там же. 1996. 6 нояб.

³⁰ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), ф. 41, оп. 1, д. 50, л. 17 об., 18.

³¹ Государственные объединенные учреждения государственного архива Пермского области (ГОУ ГАПО), ф. 45, оп. 1, д. 167, л. 229.

³² См.: *Каплюков В. В., Попов Н. Н.* Борьба большевиков с эсерами и меньшевиками за влияние в Екатеринбургском Совете // *Партийное руководство Советами на Урале, 1905—1937.* Свердловск, 1984. С. 29.

³³ ГАРФ, ф. 6871, оп. 1, д. 528, л. 3; ГОУ ГАПО, ф. 45, оп. 1, д. 167, л. 251; История Самарского Поволжья... С. 217, 218.

³⁴ ОГАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 166, л. 85; *Скрипов А.* Челябинск, XX век. Челябинск, 2000. С. 49.

³⁵ См.: *Костогрызов П. И.* Октябрьский переворот и начальный этап антибольшевистского сопротивления на Урале. С. 39, 40.

³⁶ Подробнее см.: *Обухов Л.* Советы Урала в 1917 г. Пермь, 1992. С. 68.

³⁷ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 8, л. 128; ГОУ ГАПО, ф. 45, оп. 1, д. 167, л. 230.

³⁸ См.: *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. С. 199, 200.

³⁹ См.: Вести. Перм. окр. комитета Всероссийского почтово-телеграфного союза. 1917. № 3. С. 29.

⁴⁰ См.: Объединяя мир людей. Пермская связь 60 лет. Пермь, 1999. С. 34.

⁴¹ ГАРФ, ф. 5489, оп. 1, д. 19, л. 7; ГОУ ГАПО, ф. 45, оп. 1, д. 167, л. 241, 365.

⁴² П. К. Кольфгауз — почтово-телеграфный чиновник II класса. Один из самых талантливых инженеров-электриков и организаторов связи Урала. Работал инженером, а затем начальником ряда почтово-телеграфных контор Пермского ПТО. Революцию 1917 года встретил в должности помощника начальника Екатеринбургской телеграфной конторы. Летом этого года работал в администрации Пермского ПТО, был выбран председателем пермского окружкома Потельсоюза. Перед Октябрьским переворотом оставил профсоюзную деятельность и пребывал в прежней должности — помощника начальника Екатеринбургской телеграфной конторы. Приход большевиков к власти встретил крайне отрицательно — после получения первых известий из Петрограда о взятии власти ВРК предложил своим подчиненным бросить работу. Ушел из конторы, оставив на столе записку: «Совестью и убеждениями не торгую». Принял активное участие в забастовке екатеринбургских связистов, пропагандировал решения Новгородского и Тамбовского съездов Потельсоюза. Демонстративно не скрывал своих монархических взглядов, несколько раз подвергался арестам, но по требованиям коллектива телеграфной конторы и администрации Пермского ПТО его освобождали. В декабре 1917 года направил в Наркомат почт и телеграфов докладную аналитическую записку о критическом положении уральской связи и причинах ее плохой работы. Материалы записки послужили предметом дискуссии на коллегии наркомата в марте 1918 года, где было признано, что положение в Екатеринбурге присуще всем ПТК в стране. В годы Гражданской войны активно сотрудничал с антибольшевистскими силами. С осени 1918 года по лето 1919 года занимал пост начальника воссозданного Пермского ПТО. Вместе с белыми ушел в эмиграцию, при отступлении с Урала сумел практически полностью эвакуировать штаты и

оборудование учреждений связи (Российский государственный архив экономики, ф. 3527, оп. 2, д. 218, л. 18 об.; АЦМС им. А. С. Попова, ф. Телегр., оп. 1, д. 1232, л. 2, 3; д. 1246, л. 53).

⁴³ См.: *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. С. 75.

⁴⁴ См.: *Попов Н. Н., Бугров Д. В.* Время упущенных возможностей. С. 122.

⁴⁵ См.: *Обухов Л.* Советы Урала в 1917 г. С. 70.

⁴⁶ ГАРФ, ф. 5489, оп. 1, д. 19, л. 41.

⁴⁷ Там же, л. 42.

⁴⁸ Там же, л. 26, 27.

⁴⁹ ГАРФ, ф. 6871, д. 110, л. 6 об.

А. В. Антошин

**ЧЕРЕЗ «ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС»:
КОНТАКТЫ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
С ГРАЖДАНАМИ СССР В СЕРЕДИНЕ
1940-х — СЕРЕДИНЕ 1960-х ГОДОВ**

Одной из наиболее интересных проблем в истории российской диаспоры являются связи ее представителей с советскими людьми, общение соотечественников, разделенных «железным занавесом». У большинства эмигрантов в СССР оставались родственники, друзья, коллеги. Вопрос об интенсивности связей представителей зарубежной России с гражданами СССР после Второй мировой войны, еще не получивший достаточного освещения в историографии, тесно сопрягается с проблемой сотрудничества эмиграции и СССР, так как показывает, что не только антикоммунистические настроения определяли позицию эмигрантов в этот период.

Как известно, в 1920-е годы зарубежная Россия еще не была полностью изолирована от советских людей. Феномен русского Берлина первой половины 1920-х годов является наиболее ярким свидетельством тесных контактов между деятелями культуры СССР и российского зарубежья. Однако анализ источников свидетельствует, что во второй половине 1920-х — 1930-е годы руководство СССР постепенно ограничивает возможности для общения своих граждан с зарубежными соотечественниками. Как отмечала Н. Н. Берберова, она почувствовала серьезные ограничения уже в 1927 году, когда советское посольство во Франции запретило общение с ней и ее мужем, В. Ф. Ходасевичем, приехавшей в Париж их старой знакомой известной советской поэтессе О. Д. Форш. Одновременно В. Ф. Ходасевич перестал получать из СССР деньги за свой перевод пьесы П. Мериме, которая в те годы ставилась советскими театрами. Вместе с тем та же Н. Н. Берберова отмечала, что некоторые художники-эмигранты из числа подобных Д. Д. Бурлюку левых интеллиген-